

Программа снижения выбросов в атмосферу в результате сокращения обезлесения и деградации лесов, роль устойчивого управления лесами и увеличения накоплений углерода в лесах в развивающихся странах (REDD+) впервые была согласована в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (UNFCCC) в 2005 году. Программа предложена в качестве центральной стратегии смягчения последствий изменения климата. Но реализация REDD+ в Бразилии встретила сильное сопротивление со стороны общин зависимого от леса коренного населения, поскольку программа нарушала их права. Главная цель и исследовательский вопрос данной статьи заключается в том, чтобы обсудить, нарушает ли реализация REDD+ права коренных жителей бразильской Амазонии, в частности, земельные права. В своем эссе я представляю международный и бразильский варианты программы REDD+. Затем расскажу о REDD+ через теоретический подход Нуссбаум к возможностям. Впоследствии я рассмотрю проблему культурного разнообразия с экономической точки зрения и отвечу на вопрос – как западный экономический вариант про-

1 СВОД-плюс (англ. REDD+) – программа, направленная на поддержку усилий по сокращению выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов

граммы REDD+ конфликтует с местной культурой и отношением к земле? Методология статьи основана на исследовании документов.

ВВЕДЕНИЕ

Обезлесение в настоящее время – самая большая угроза планете во всем мире. Есть разные причины обезлесения, как, например, стихийные бедствия, но в основном обезлесение происходит в результате деятельности человека. Обезлесение влечет экологические и социальные проблемы, такие как потеря биоразнообразия, изменение климата, опустынивание и перемещение населения. Амазония считается самым большим и самым биологически разнообразным тропическим лесом в мире. Несколько стран владеют этим тропическим лесом, более 60% которого приходится на Бразилию, которая является предметом данного исследования (May, Gebara, de Barcellos, L.M., Rizek, M.B. & Millikan, 2016, p. 1). Высокие темпы обезлесения в Бразилии значительно увеличили выбросы углекислого газа (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014).

Количество национальных охраняемых территорий (парков) постоянно растет во всем мире, и на декабрь 2016 года «14,8% наземных и внутренних водных территорий законсервированы» (ООН, 2016. Охват наземных охраняемых территорий), что эквивалентно размеру континента Южная Америка. Но эти территории не были дикими и незаселенными до их консервирования.

Итак, что случилось с людьми, жившими на этих землях? Были ли права человека реализованы и защищены должным образом? Обладают ли они полным потенциалом в сохранении своего образа жизни? По задумке ООН программа снижения выбросов в атмосферу в результате сокращения обезлесения и деградации лесов (REDD+) должна способствовать увеличению накоплений углерода и должна подтолкнуть развивающиеся страны устойчиво управлять лесами (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011). Программа является рыночным либеральным подходом к проблеме изменения климата. Страны, имеющие технические возможности, соответствующие определенным требованиям, получают выплаты REDD+. Бразилия одна из стран, активно развивающих свою национальную стратегию REDD+ (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014). Программа включает набор социальных гарантий для стран-участниц по оказанию помощи коренным общинам. Но сохранение лесов благодаря REDD+ часто приводило к нарушению прав человека и ставило под угрозу жизненные потребности местных сообществ, которые в значительной степени зависят от лесов в своей повседневной жизни, что порождало социальные конфликты (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014).

В этом эссе я представляю программу REDD+, используя теорию возможностей², чтобы показать разрыв между прописными гарантиями прав коренных народов бразильской Амазонии и реальными пагубными последствиями реализации REDD+. Впоследствии покажу культурные различия с экономической точки зрения и сравню евроцентрический подход к экосистеме, как к обслуживающей человеческие потребности, с критикой коммодификации природы с позиции коренного населения бразильской Амазонки.

КОНТЕКСТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОГРАММЫ REDD+

В отчете Брундтланд Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» термин «устойчивое развитие» разъясняется как «развитие, которое отвечает потребностям настоящей

2 Подход, основанный на возможностях, представляет собой нормативный подход к человеческому благополучию, который концентрируется на фактических способностях людей достичь своего благополучия, а не на их простом праве или свободе делать это.

го, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (UNWCED, 1987, глава 2). Устойчивое развитие стало мейнстримом на международной арене. В ходе «устойчивого» экономического роста стали доминировать две ключевые концепции: удовлетворение основных потребностей человека и осознание пределов возможностей окружающей среды.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) одобрила добровольный план действий XXI века для ООН, международных организаций и правительств государств в целях достижения глобального устойчивого развития – так называемая Повестка XXI века. Растущее понимание вклада обезлесения в глобальные выбросы углерода, понимание необходимости сохранения лесов было выдвинуто Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН) в качестве стратегии противостояния изменению климата (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014). В 2005 году была официально введена программа уменьшения выбросов в атмосферу в результате сокращения обезлесения (RED)³ (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014). Указанная Повестка XXI века основана на двух экономических принципах, имеющих решающее значение для данного исследования: «загрязнитель платит» и «принцип предосторожности» (UNCED, 1992, статьи 16, 17). Первый принцип означает, что те, кто загрязняет, должны нести расходы по уменьшению вредных последствий. Согласно «принципу предосторожности», государство обязано контролировать деятельность, которая может привести к вредным последствиям для окружающей среды. Оба эти принципа отражены в программе REDD+. Таким образом, в соответствии с принципом «загрязнитель платит» промышленно развитые страны делают пожертвования в REDD+, в то время как принцип «предосторожности» лежит в основе природоохранных стратегий. Программа должна была позволить развивающимся странам добровольно сократить обезлесение без ущерба для их экономического развития.

После истечения срока действия Целей Развития Тысячелетия (Millennium Development Goals) принята новая расширенная и измененная Повестка на период до 2030 года (2030 Agenda). Семнадцать глобальных и универсальных Целей Устойчивого Развития (Sustainable Development Goals) были поставлены Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году на 2030 год в рамках резолюции 70/1 (UN General Assembly, 2015). Повестка подчеркивает важность экономических, социальных и экологических проблем и требует от всех стран, в частности, принимать меры по борьбе с изменением климата, сокращать неравенство, повышать уровень и продолжительность жизни, содействовать миру. Фокус Целей Устойчивого Развития в большей степени направлен на защиту окружающей среды. Эта направленность определяет реализацию политики REDD+ в Бразилии, которая должна была способствовать достижению трех Целей: Цели 8 для достойного экономического роста, Цели 13 для правительственных действий по борьбе с изменением климата и Цели 15 для защиты жизни на суше.

КОНТЕКСТ БРАЗИЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ REDD+

Темпы обезлесения в Бразилии резко снизились после 2005 г. из-за вмешательства государства, сельскохозяйственного кризиса, растущего давления со стороны коренных народов и экологических активистов (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014). Контекст международных решений последних десятилетий и активное участие Бразилии в ини-

3 Вторая буква «D» для деградации лесов была введена и добавлена к REDD, введенному в Балийском плане действий в 2007 году. В 2008 году «плюс» был «включен для обозначения этих дополнительных мероприятий и необходимости более инклюзивного REDD» (Osborne, Bellante, & фон Хедеманн, 2014).

циативах по изменению климата привели к принятию ряда природоохранных законов и программ как на национальном, так и на субнациональном уровнях, с тем чтобы направить развитие страны по пути устойчивости. В 2008 году в соответствии с Повесткой 2030 года и стратегией REDD+ Бразилия приступила к осуществлению Национального плана и региональных инициатив по изменению климата с целью «сократить обезлесение Амазонии на 80% к 2020 году» и созданию Фонда Амазонки, управляемого Бразильским банком развития (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014, p. 63). В настоящее время 13,3% общей территории Бразилии занято землями коренных народов (585 общин), большая часть которых принадлежит Легальной Амазонии (May, Gebara, de Barcellos, Rizek, & Millikan, 2016 г., стр. 39). Несмотря на определенный прогресс, основной проблемой бразильской программы REDD+ является состояние реализации практических социальных и экологических гарантий коренному населению (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Индейцам, коренным группам и племенным общинам предоставляется формально правовая, социальная, антропологическая, экономическая и культурная защита (May, Gebara, de Barcellos, Rizek, & Millikan, 2016). Но на самом же деле они сталкиваются с несправедливостью со стороны доминирующих национальных групп населения, в частности, связанной с неравным распределением благ, исключением из процесса принятий ключевых решений, ограничением доступа к ресурсам. Янг в статье «Пять лиц угнетения» утверждает, что справедливость имеет отношение «к институциональным условиям, необходимым для развития и реализации индивидуальных способностей, коллективного общения и сотрудничества», в то время как «несправедливость относится, прежде всего, к двум формам ограничений, угнетению и господству» (Young, 2013, с. 39). Формы угнетения, будь то эксплуатация или маргинализация, являются прерогативами власти и должны быть рассмотрены при обсуждении прав коренных народов Бразилии в контексте природоохранной политики. Но из-за ограниченного объема в этом эссе я сосредоточусь на подходе Нуссбаум, основанном на возможностях. Примечательно, что, несмотря на разные подходы, Янг (2013) и Нуссбаум (2006) утверждают, что справедливость как институциональное условие необходимо для развития индивидуальных возможностей.

До того, как А. Сен и М. Нуссбаум разработали свой подход к возможностям и выдвинули идею индивидуальных реальных возможностей, экономическое благосостояние и соблюдение прав человека рассматривались как основные критерии справедливости. Изначально концепция прав человека возникла в результате борьбы с несправедливыми законами. Права человека — это универсальные, неотъемлемые и неделимые права всех людей в мире. В качестве европейского изобретения, права человека — это концепция индивидуальных прав; в то время как коренным жителям бразильской Амазонии, да и многим другим народам культурно ближе концепция коллективных прав, прав группы, племени, а не его членов в отдельности (de Sousa Santos, Nunes, & Meneses, 2007). Де Соуза Сантос (2007) утверждает, что концепция индивидуальных прав человека является частью эпистемологического и культурного угнетения коренных народов доминирующим Западом. В то же время ООН обязала все государства уважать, защищать и исполнять права человека в западной парадигме. При этом стратегия реализации Международной программы REDD+ нарушают права коренных народов, например, право на самоопределение, культурную целостность, права на гражданские и политические свободы.

Настоящее исследование сосредоточено на вопросах прав на землю.

Основополагающий документ – Всеобщая Декларация Прав Человека ООН (1948 г.) признает право владеть собственностью (статья 17). Декларация ООН О Правах Коренных Народов также подчеркивает право коренных народов на свои земли и территории, для сохранения своей культуры, а также гарантирует защиту прав на свою территорию государством (Генеральная Ассамблея ООН, 2007, статьи 10, 11, 26, 28, 29). Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, обязала Бразилию защищать права индейцев, «уважать особую важность для культур и духовных ценностей соответствующих народов их взаимоотношений с землями или территориями, или и тем, и другим, в зависимости от обстоятельств, которые они занимают или используют иным образом, и, в частности, коллективные аспекты этих отношений» и признать их «права собственности и владения» на эти земли (ILO, 1989, статьи 13, 14). Одним из требований к развивающимся странам является обеспечение защитных и гарантийных мер при реализации мероприятий REDD+, в частности, учет «потребности в устойчивых средствах к существованию коренных народов и местных сообществ и их взаимозависимости от лесов» (REDD+ Web Platform, Safeguards, 2019). В соответствии с международными нормами и требованиями REDD+ Конституция Бразилии (1988 г.) гарантирует право индейцев на их собственную территорию и предусматривает, что она является их постоянной и неотъемлемой собственностью, устанавливает право индейцев на исключительное использование природных ресурсов своей территории (Статья 231).

Но дают ли эти формальные права коренным народам реальную возможность в полной мере реализовать свои свободы? Сен (2005) проводит различие между рамочными правами человека и подходами, основанными на реальных возможностях, которые люди могут достичь, основываясь на субъективных ценностях, где главную роль играют «существенные свободы» (Сен, 1999). В то же время Нуссбаум (2006) доработала этот подход, который приобрёл более целостную форму. Она составила список потенциальных возможностей, включая материальное право владения собственностью. Говоря о Бразильской Амазонии, зачастую коренные народы там вынуждены покидать свои земли, законсервированные в рамках REDD+, из-за бюрократических препон (Pallemaerts, 1986). Таким образом, основываясь на подходе Нуссбаум, можно говорить, что пока коренные народы обладают не полными возможностями. По ее словам, для того чтобы в полной мере соблюдать права человека, государство обязано уважать, защищать и обеспечивать их соблюдение (Nussbaum, 2006). Таким образом, реализация разработанной по западному образцу программы REDD+ в Бразилии несправедливо блокирует возможности коренных народов в полной мере реализовать свои права.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Доминирующая ныне онтологическая позиция западных культур отделяет людей от природы и ставит их в превосходное, высшее положение. Экосистема рассматривается как запас естественного капитала, который предоставляет человечеству разнообразие товары и услуги. Человечество же, следуя дискурсу непрерывного экономического роста, неизбежно оказывается неустойчивым. Следовательно, традиционная природоохранная политика консервации, хотя и необходима для защиты окружающей среды, скорее приведет к негативным последствиям для экономического роста. Если же мы оценим экономическую ценность «товаров и услуг», предоставляемых нам природой, то это даст нам «возможность отойти от логики «сохранение против развития» к логике «сохранения для развития»» (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011, с. 615).

Следуя этой логике, подход к экономической оценке природы был включен в международную политическую парадигму Конвенцией о биологическом разнообразии в 1992 году. В том же году, как уже упоминалось выше, принципы «загрязнитель платит» и «предупредительные» принципы были рассмотрены в Декларации в Рио-де-Жанейро по устойчивому развитию (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011). Но если принцип «загрязнитель платит» направлен на компенсацию негативных экологических последствий, то этическая логика предполагает также «принцип прибыли ответственного управляющего» для ответственного планирования и управления природными ресурсами. Таким образом, были введены добровольные платежи за «услуги» окружающей среды (Payments for Ecosystem Services (PES)). Предполагалось, что это обеспечит бесприоритетный сценарий, когда загрязнитель компенсирует ответственному управляющему расходы на защиту окружающей среды. Киотский протокол и программа REDD+ поддерживали концепцию таких платежей, которая, по сути, видится так: богатые экономически развитые страны продолжают наращивать темпы загрязнения окружающей среды, развивая производство, при этом платят бедным странам за то, чтобы они остановили свой экономический рост из-за консервации природных ресурсов, находящихся на их территории (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011).

Неолиберальная политико-экономическая теория, как доминирующая современная идеология, — чисто западное изобретение, определяемое западными правилами. Она характеризуется сильными правами собственности, свободным рынком и включает такие практики, как государственное дерегулирование и приватизация. Расширение области применения этой практики и распространение рыночных отношений на ранее не подлежащие материальной оценке области, такие как наука, политика, сохранение окружающей среды и легло в основу так называемой рыночной защиты окружающей среды, цель которой — примирить экономический рост с охраной окружающей среды (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011).

В бразильском контексте в настоящее время западная экономическая идеология реализуется через политику REDD+. Это противоречит взглядам и представлениям коренных народов о природе. Они видят себя частью природы, которая имеет священную ценность. Они чувствуют себя принадлежащими к «Матери-Земле» и земле своих предков (UN Press Conference Global Alliance Against REDD and for Life, 2015). Один из главных аргументов критиков коммодификации природы состоит в том, что некоторые священные вещи, такие как воздух, леса, вода, не должны продаваться по этическим и моральным соображениям, как «вещи», которые не были произведены людьми в качестве товаров (Gomez-Baggethun & Ruiz-Perez, 2011). Коренные народы осуждают превращение природы в товар посредством углеродных рынков, приватизацию природы в интересах крупных корпораций, которые покупают себе право загрязнять окружающую среду (UN Press Conference Global Alliance Against REDD and for Life, 2015).

Принципиальное отличие рыночных отношений и позиции коренных народов на изменение климата вызвали протесты против REDD+. Парадокс в том, что «рыночный подход ставит во главу угла экономически эффективные стратегии и превращение экологических услуг в товар, тем самым используя те же экономические инструменты и капиталистическую логику, которые, возможно, были основным источником проблемы изменения климата» (Osborne, Bellante, & von Hedemann, 2014, с.9). Кроме того, глобальная несправедливость заключается еще и в том, что главными загрязнителями природы являются богатые западные страны, а больше всего от изменения климата страдают коренные народы, тесно связанные с естественной средой обитания (UN General Assembly, 2017). Знания и практика коренных народов устойчивы в отличие от западного образа жизни и могут служить руководством для ООН в отношении долгосрочных

действий в связи с изменением климата. Однако, их взгляды подвергают-ся маргинализации. Важность и положительная тенденция знаний коренных народов отражены в докладе Специального докладчика по правам коренных народов Генеральной Ассамблеи ООН: доклад Совета по правам человека А / HRC / 36/46, в котором говорится: «в бразильской Амазонии, на территориях, где государство признало права коренных народов на леса, уровень обезлесения был в 11 раз ниже, чем в лесах, где их права не признавались»(UN General Assembly, 2017, стр. 4, параграф 8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом эссе, где через призму подхода о возможностях обсуждается проблема нарушения прав человека коренных народов бразильской Амазонии путем реализации политики REDD+, я говорила о некоторых ограничениях и перекосах стратегии консервации природы и пришла к выводу, – концепция REDD+ довольно противоречива. Используя подход, основанный на возможностях аналитического инструмента, данная статья призывает к пониманию проблемы в комплексе, учитывая права, потребности и ценности коренных народов. При определенных обстоятельствах REDD+ в Бразилии может способствовать накоплению углерода. Но для того, чтобы добиться успеха, необходимо учитывать знания и обычаи коренных народов.

Как бы то ни было, остается открытым вопрос о нарушении земельных прав коренного населения бразильской Амазонии. Все перечисленные факторы приводят к негативным последствиям программы REDD+. Международному сообществу, национальным правительствам, неправительственным организациям, социальным агентствам и учреждениям нужно проводить комплексную работу по созданию благоприятных условий для успешной реализации REDD+ для всех стран.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Это эссе носит в основном теоретический характер и не содержит детальной информации о движущих силах и фактических последствиях REDD+ для коренных жителей бразильской Амазонии. Мне было сложно найти судебные дела о нарушении прав коренного населения в Бразилии. Единственный вердикт Межамериканского суда по поводу нарушений прав коренных народов вынесен на португальском языке. Итак, чтобы представить точку зрения коренных народов Амазонии на REDD+, я полагалась на пресс-конференции с их представителями. Кроме того, эмпирические данные о влиянии REDD+ в Бразилии трудно отслеживать из-за огромного количества проектов и партнерских отношений на разных уровнях.

Теория и метод, использованные в этом эссе, не исключают других исследовательских подходов по теме REDD + и права человека, а, скорее всего, служат для того, чтобы предоставить иной угол обсуждения и углубить понимание культурных факторов, которые важны для понимания влияния программы REDD + на коренные народы Амазонки.

Список используемой литературы

Gomez-Baggethun, E., & Ruiz-Perez, M. (2011). Economic valuation and the commodification of ecosystem services. *Progress in Physical Geography*, 35(5), 613-628. Retrieved from: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.842.4767&rep=rep1&type=pdf>.

Constitution of the Federative Republic of Brazil. (1988). Retrieved from <http://english.tse.jus.br/arquivos/federal-constitution> International Labour Organization (ILO). (1989). Indigenous and Tribal Peoples Convention No. 169. Retrieved from: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169.

May, P. H., Gebara, M. F., de Barcellos, L. M., Rizek, M. B., & Millikan, B. (2016).

Use the context of REDD+ in Brazil: drivers, agents, and institutions—3rd edition (No. CIFOR Occasional Paper no. 160, p. 112p). Center for International Forestry Research(CIFOR), Bogor, Indonesia. Retrieved fromhttp://www.cifor.org/publications/pdf_files/OccPapers/OP-160.pdf.

Nussbaum, M. C. (2006). Capabilities, Human Rights, and the Universal Declaration, 27-35.

Osborne, T., Bellante, L., & vonHedemann, N. (2014). Indigenous Peoples and REDD+: A Critical Perspective. Retrieved from:<https://pdfs.semanticscholar.org/38cf/f57cf41aff8700ec3d7b72dd2af39dbd4b11.pdf>.

Pallemaerts, M. (1986). Development, conservation, and indigenous rights in Brazil. *Hum. Rts. Q.*, 8, 374.

REDD+ Web Platform. Safeguards. United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). Accessed 16 October 2019. Retrieved from<https://redd.unfccc.int/fact-sheets/safeguards.html>.

Sen, A. (1999). The perspective of freedom. *Development as freedom*, 13-34.

Sen, A. (2005). Human rights and capabilities. *Journal of human development*, 6(2), 151-166.

de Sousa Santos, B., Nunes, J. A., & Meneses, M. P. (2007). Opening up the canon of knowledge and recognition of difference. *Another Knowledge is Possible. Beyond Northern Epistemologies*. London: Verso, XIX-LXII.

United Nations General Assembly. (1948). Universal Declaration of Human Rights (217 [III]A). Paris. Retrieved from:https://www.ohchr.org/EN/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf13

United Nations World Commission on Environment and Development (UNWCED). (1987). Report: Our common future (UN-Document A/42/427). Geneva. Retrieved from: <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm#1>

United Nations Conference on Environment and Development (UNCED). (1992). The Rio Declaration on Environment and Development. Rio de Janeiro. Retrieved fromhttp://www.unesco.org/education/pdf/RIO_E.PDF

United Nations General Assembly. (2007). United Nations Declaration on the Rights of Indigenous People (A/RES/61/295). Retrieved from:https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/wpcontent/uploads/sites/19/2018/11/UNDRIP_E_web.pdf

United Nations General Assembly. (2015). Resolution 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. A/RES/70/1. Retrieved from:https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf

United Nations Press Conference, Global Alliance Against REDD and For Life. (2015, December 1). "REDD: Contradiction and Violation of the Sacred". Retrieved from:<http://no-redd.com/no-redd-press-conference-at-united-nations-cop21/>

United Nations Environment World Conservation Monitoring Centre. (2016). Protected Planet Report 2016: data, maps & figures (December 2016). Retrieved from<https://www.protectedplanet.net/c/protected-planet-report-2016/december-2016--global-update>

United Nations General Assembly. (2017). Report of the Special Rapporteur on the rights of indigenous peoples: report of the Human Rights Council, A/HRC/36/46. Retrieved from <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/330/97/PDF/G1733097.pdf?OpenElement>

Young, I. M. (2013). Five faces of oppression. In *The community development reader* (pp.346-355). Routledge.